

Г. А. Ушаков (*Ижевск*)

Текстообразующие функции местоимений удмуртского языка

В отечественном языкознании отношение лингвистов к грамматическому классу местоименных слов на протяжении многих веков отмечено отсутствием концептуального единства. В современной русистике наиболее заметными и популярными являются три тенденции.

Одна из них, восходящая к античной филологии, на основании общности способа номинации окружающего мира все местоименные слова объединяет в один лексико-грамматический разряд и квалифицирует их как самостоятельную часть речи.

Другая, романтическая, тенденция местоимениям в статусе отдельной части речи отказывает и распределяет их по лексико-грамматическим группам существительных, прилагательных, числительных и наречий.

Между данными крайними тенденциями находится третья, по которой из всех местоимений в специфический разряд слов выделяются лишь местоименные существительные, остальные же подобные слова ассимилируются с прилагательными, числительными и наречиями. Основанием для квалификации местоимений-существительных как особой части речи провозглашаются их "своеобразия выражений категории рода, числа и падежа" (Рус. грам.: 531).

С точки зрения современной теории грамматических категорий ни одна из приведенных концепций не является бесспорной. Причина же неадекватной квалификации местоимений как части речи заложена в их противоречивой природе. С одной стороны, все местоимения объединяет специфика способа номинации ими окружающей действительности, которая основана на общей для них функции замещения. С другой – все местоименные слова лишены такого обязательного для частей речи атрибута, как грамматическое значение.

В удмуртском языкознании все местоименные слова традиционно объединяются в самостоятельный морфологический класс слов и определяются как “часть речи, которая не называет предметов, их признаков или количества, а лишь указывает на них” (ГСУЯ 1962: 167). Правда, “в тех случаях, когда исследователь выделяет местоимения в особый класс, он игнорирует их категориальные значения (тождественные значениям существительных, прилагательных, числительных и наречий), опираясь на классификационный признак совершенно иного порядка – специфический способ номинации” (Ломов 1986: 80). Однако “в особых, например, в методических, целях такое объединение допустимо” (Ломов 1986: 80), более того, как свидетельствует современная лингводиактика, изучение местоименных слов в ранге самостоятельной части речи практически целесообразно и оправданно.

Теория местоимений современного удмуртского языка в данном аспекте разработана вполне удовлетворительно: установлена их номенклатура, определены семантические группы, выявлены основные морфологические характеристики. Однако часть вопросов, относящихся к теории местоимений удмуртского языка, достаточного научного освещения еще не получила.

Известно, что, попадая в соответствующую речевую ситуацию, многие слова удмуртского языка приобретают местоименный характер. Из множества подобных случаев в удмуртском языкознании получила общее признание лишь прономинализация собирательных имен числительных с *-на* типа: *кыкнамы* ‘мы оба’, *кыкнады* ‘вы оба’, *кыкназы* ‘они оба’, хотя аналогичные семантические сдвиги в сторону местоименных слов могут претерпевать и многие другие лексемы, относящиеся к разным частям речи.

Специальному лексическому анализу до сих пор не подвергались стилистические ресурсы местоименных слов, несмотря на то, что они обладают богатейшими возможностями вариативного и нестандартного функционирования. Семантической и грамматической базой стилистических ресурсов местоимений является то, что они “имеют специфическое отвлеченное значение, которое конкретизируется в контексте или в речевой ситуации” (Рус. грам.: 531). Местоимения отражают окружающую действительность посредством дейктического способа номинации, когда “за звукорядом закрепляются те обобщенные признаки и свойства реальных, ко-

торые носят не абсолютный, а относительный характер, поскольку они выявляются у соответствующих реалий не прямо, а через отношение к говорящему лицу, к данной обстановке речи. Но и говорящее лицо, и обстановка речи, как известно, величины переменные, в связи с чем конкретное содержание местоимений всякий раз оказывается различным, т. е. более широким, чем у замещаемых ими существительных, прилагательных, числительных и наречий” (Ломов 1986: 79).

Особенность местоимений с точки зрения морфологии заключается в том, что они собственными категориальными и лексико-грамматическими характеристиками не обладают. Напротив, в них могут нивелироваться и те грамматические показатели, которыми располагают замещаемые ими части речи. В местоимениях нейтрализуется такое характерное лексико-грамматическое противопоставление, как собственные/нарицательные имена существительные. В них не получает отражения и традиционно выделяемая превосходная степень имен прилагательных. В большинстве же случаев местоимения являются носителями тех категориальных и лексико-грамматических показателей, которыми снабжены замещаемые ими части речи. С точки зрения морфологических характеристик возможно выделение местоимений-существительных (*кин?* ‘кто?’, *ма?* ‘что?’, *олокин?* ‘кто-то’, *котьма* ‘хоть что’ и др.), местоимений-прилагательных (*кыче?* ‘какой?’, *сыче* ‘такой’, *котькыче* ‘любой’ и др.), местоимений-числительных (*кõня?* ‘сколько?’, *со мында* ‘столько’, *кõняетй(ез)?* ‘который?’ и др.).

И в коммуникативном отношении местоимения в основном выполняют функции соответствующих им частей речи. Как и имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, они участвуют в формировании всех конститутивных признаков текста. Однако в текстообразующих функциях местоимений наблюдаются и некоторые особенности, связанные с их семантической спецификой. По сравнению с соответствующими им частями речи у местоимений несколько ограничены возможности в формировании информативного, особенно содержательно-фактуального, признака текста. Вызвано это тем, что семантика местоимений реализуется лишь при непосредственном соотнесении их с теми частеречными словами, вместо которых они употребляются. А это, в свою очередь, требует обязательного наличия контекста, состо-

ящего хотя бы из двух предложений. Функциональная же нагрузка местоимений как связочных средств в тексте значительно выше, чем у соответствующих им частей речи. Более того, данная функция для местоименных слов является главнейшим коммуникативным назначением. Участие же в формировании информативности и модальности текста относится к числу периферийных функциональных нагрузок местоименных слов. Однако, являясь заместителями имён существительных, имён прилагательных и имён числительных, местоимения во многом их функционально повторяют.

Как и все именные части речи, местоимения способны к формированию информативного признака текста. Их смыслонесущая роль наиболее ярко проявляется в реализации содержательно-фактуальной информации речевого произведения, которая может быть представлена в виде денотатной карты.

Мон инкуазь сярэсь уг сюлмаськы, пичи на шуыса. Тон мукет ужьёсы но трос шуод. Нош соуз будосьёсты но пйшурьёсты ачиз изьянтоз. Кин соку та бадзьым государственной ужез азинтоз? (Дл. 1983). 'Я о природе не буду заботиться из-за того, что еще маленький. Ты скажешь, что у тебя и других дел полно. А тот сам будет уничтожать растения, зверей. Кто тогда займется этим важным государственным делом?'

Содержательно-концептуальная информация текста нередко формируется посредством риторических вопросов, в которых используются вопросительные местоимения.

Тодіськод, дыр: ож вылтй

Кёня пыдвыл мон керттй.

Жуась гур азын черсй.

Уйёсы ожыт изи.

Картэлы но выньёслы,

Тодмотэм солдатъёслы

Кёня пыдвыл мон керттй. (СУ. 1988, 20. VIII).

'Наверное, знаешь: во время войны

Сколько носков я связала.

У горячей печи пряла,

По ночам мало спала.

Мужу и братьям,

Незнакомым солдатам

Сколько носков я связала'.

Опорные в смыловом отношении местоимения могут выступать и в качестве анафорических компонентов художественного произведения.

Нимдэ ымысь ыме вералляло,

Тон удмуртлы – дуно йыжы-выжы.

Тон удмуртлэн сюлмаз кема улод,

Тон кадь эшгёс улонамы ёжыт.

Тон лыкты вал али Вуж Мултанэ,

Бамтйид погыльскысал шудо синву. (СУ. 1988, 20. VIII).

’Твое имя все произносят,

Ты удмурту – дорогой родственник.

Ты в сердце удмурта долго будешь жить,

Как ты, друзей в жизни немного.

Ты приехал бы сейчас в Старый Мултан,

По твоей щеке бы прокатилась счастливая слеза’.

Соединительные функции местоимений в тексте базируются на их семантической природе замещения других частеречных слов.

Улыно-вылыно бадйым корпусын хоровой кружоклэн репетициез ортче. Солэн кивалтйез – кырзанъя, суреданъя но трудъя дышетйсь Михаил Алексеевич Курочкин. Нырысь учкыку, со лек адямилы кельше (Гавр. 13). ’В большом двухэтажном доме идет репетиция хорового кружка. Его руководитель – учитель пения, рисования и труда Михаил Алексеевич Курочкин. На первый взгляд он кажется сердитым человеком’.

Во многих произведениях художественной литературы местоимения используются и в качестве средства создания цельности текста.

Крезьгуре мынам. Тынэсьтыд куарадэ кылзыса, мон малтасько аслам удмурт музьеме сярись. Татын, пичигес гуртын, мон вордски, будй, музьем ужай, дышетски (Шир., 72). ’Песня моя. Слушая тебя, я думаю о своей удмуртской земле. Здесь, в небольшой деревне, я родился, рос, работал в поле, учился’.

Цельность приведенного фрагмента текста достигается за счет употребления в нем местоимений в форме первого лица.

Функциональный вклад местоимений в формирование объективно-модального признака текста выражается в его местоименных теморематических отношениях.

Тон – тыл.
Та урод улонэз,
Пеймыт дуннеез
Сутыса быдтись тыл...

Тон – тюр.
Вань дышмонъёсыз,
Адзонтэмъёсыз
Кораса быдтись тюр (Герд, 57).

Ты – огонь.
Эту плохую жизнь,
Тёмный мир
Обжигающий огонь.

Ты – топор.
Всех врагов
Ненавистных
Уничтожающий топор’.

Местоимение тон ‘ты’ в данном тексте используется в его тематической части.

Адями веранзэ йылтумъяз но пальпотыса учкиз. Шудо адями-лэн пальпотэмез со (Шир., 10). ‘Человек закончил говорить и улыбнулся. Счастливого человека улыбка это’.

Местоимение со ‘это’ составляет рематический компонент приведенного текста.

Реализации текстообразующих функций местоимений способствуют и их стилистические ресурсы. К стилистическому, нестандартному функционированию местоимений в устной и письменной речевой практике относятся следующие основные случаи.

1. Употребление местоимений для замещения не конкретных предметов, их признаков или количества, а с целью репрезентации целой ситуации.

Адями, пе, улытояз ни мед вордоз, корка мед лэсьтоз, писпу мед мерттоз. Сотэк, пе, дунне вылын мар улэмез (Крас., 20). ‘Человек, говорят, за свою жизнь должен сына вырастить, дом построить, дерево посадить. Без этого, говорят, что за жизнь на свете’.

2. Употребление местоимений для замещения не раскрытых в тексте, а лишь подразумеваемых говорящим реалий.

Кык тиез войнаын быремын. Шу вал начальство азын "мон сыче, мон таче", нош пересь уг вала, уг тоды (Крас., 16). Два сына погибли на войне. Сказал бы перед начальством "я такой, я сякой", а старик не знает, не понимает'.

3. Употребление местоимений не для замещения конкретного лица, а с обобщенной семантикой.

Мозмытэз тон уд быдты, со адямиен чош вордйськемын, чош ик кулоз (Крас., 28). 'Тоску ты не уничтожишь, она рождается с человеком, с человеком же умрет'.

4. Употребление местоимений для замещения других местоимений.

Олокытысь олокинэ ваё но милемын кивалтыны пукто. Нош соиз ас понназ гинэ сюлмаське (Мол. 1986, П: 10). 'Откуда-то кого-то привозят и ставят руководить нами. А тот только о себе и думает'.

5. Употребление местоимений с риторическим значением.

Көня валэктыны туртти мон тиледлы, нош ти весь асьтэ-лэсь биньгозыдэс кырмыса возиськоды (Мол. 1986, П: 13). 'Сколько старался я вам объяснить, а вы все за свои вожжи держитесь'.

6. Употребление местоимений с чисто грамматическим значением.

Дор – со дор: котькөня дыр мед ортчоз, вордскем патёс ноку уз вунэ (Мол. 1986, П: 7). 'Родина – это родина: сколько бы времени ни прошло, родные места не забудутся'.

7. Употребление местоимений не для замещения конкретных реалий, а со своим собственным значением.

Котькүд бумагаез ас дыраз учконо (Крас., 40). 'Каждую бумагу нужно посмотреть вовремя'.

8. Отдельное употребление местоимений, несущих особую смысловую нагрузку в тексте.

Вордскем шаер – со котькинлы дуно. Котькинлы (Мол. 1986, П: 8). 'Родина каждому дорога. Каждому'.

9. Употребление местоимений в роли частиц.

Нуналэз ик туннэ кыче ке удалтымтэ (Крас., 39). 'И день сегодня какой-то неудавшийся'.

10. Употребление местоимений в роли междометий.

Мар, Петька, кулэ өвёл-а? (Крас., 44). 'Что, Петька, не надо?'

11. Избыточное, без смысловой нагрузки употребление местоимений.

Тйни ук пересь маке кычыль-кычыль вулы ветлэ (Крас., 25). 'Вот ведь старушка (букв.: что-то старое) по воду ходит'.

12. Употребление их в роли местоименных наречий.

Ак, ма, кыче (макем) оз удалты ведь сюресэз (Крас., 47). 'Ак, ма, как (букв.: какая) не удалась дорога'. *Быдэс нунал керзегьясь-кыса но мар (кызыы) ортчиз* Вал., 63). 'Целый день прошел нервничая да как (букв.: что)'.

Таким образом, богатыми стилистическими ресурсами местоимения удмуртского языка обладают благодаря своей абстрактной, неконкретной семантике и специфическому способу отражения окружающей действительности. Это, в свою очередь, способствует активному их участию в формировании конститутивных признаков текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Ломов А. М. Части речи в их отношениях к предложению // Русское предложение: Исследование и преподавание в школе и вузе. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1986. С. 74 – 85.

Рус. грам. – Русская грамматика: Фонетика и морфология. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.

ТЕКСТЫ НАБЛЮДЕНИЙ

Вал. – Валишин Р. Инвожо уйшоре но пиштэ: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1974. 154 с.

Гавр. – Гаврилов И. Люкам сочинениос. Т.1. Устинов: Удмуртия, 1986. 495 с.

Герд – Герд К. Мон – удмурт // Гажан эше: Кылбуръёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 117 – 118.

Дл. – "Дась лу!": Газета.

Крас. – Красильников Г. Кошкисез мед кошкоз: Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 176 с.

Мол. – Молот. 1986. № 11.

СУ – "Советской Удмуртия": Газета.

Шир. – Ширококов В. Ошмес жильыртэ ваньмызлы. Ижевск: Удмуртия, 1980. 238 с.